

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2024. Т. 26

№ 1

DOI 10.15826/izv2.2024.26.1.006
УДК 94(470)“1917/1922” + 355.1(470)РККА +
+ 355.48(415)“1918/1920” + 355.332 +
+ 355.35 + 355.25 + 323.2:316.32

А. В. Ганин
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ПЛЕННЫХ БЕЛЫХ ГЕНШТАБИСТОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКИХ АНКЕТ НАЧАЛА 1920-х гг.

На основе советских анкет пленных белых генштабистов начала 1920-х гг., хранящихся в фондах Российского государственного военного архива, рассматривается проблема политической самоидентификации «бывших» в красном плену. Анкетирование бывших белых производилось в целях их учета. Особое значение для оценки взглядов пленных имели разделы анкет об их отношении к событиям Февральской и Октябрьской революции, а также об их актуальных убеждениях. Анализ анкет как массового исторического источника позволяет составить представление об общественно-политической позиции группы пленных белых генштабистов в целом. По большинству вопросов взгляды пленных сходились. Как правило, они принимали Февральскую революцию и не принимали Октябрьскую. Резко критические отзывы звучали о старом режиме. Чрезвычайно интересны объяснения причин неприятия захвата власти большевиками. Для многих приемлемым ответом было указание на непонимание задач новой революции. В то же время некоторые указывали реальные причины такого неприятия — красный террор, развал старой армии, тяжелый Брестский мир. Обращают на себя внимания те стратегии, которые использовали составители анкет при ответах на острые и потенциально опасные вопросы. Нередко в качестве ответов указывалось, что революция носила народный характер, а автор анкеты стремился служить народу или приветствовал народовластие и был солидарен с политикой РКП(б). Отдельные авторы, не желая излагать свои подлинные взгляды, декларативно заявляли о необходимости честно трудиться на благо общества. «Бывшие» старались давать ответы, которые бы понравились новому начальству и контролирующим органам, что позволило бы бывшим белым скорее интегрироваться в командный состав Красной армии и снять с себя дискриминационный статус бывших белых офицеров, состоявших на особом учете.

Ключевые слова: Гражданская война; РККА; белые армии; офицерский корпус; кадры Генерального штаба; военнопленные; адаптация

Цитирование: *Ганин А. В.* Политическое самосознание пленных белых генштабистов по материалам советских анкет начала 1920-х гг. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2024. Т. 26, № 1. С. 89–102. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.1.006>

Поступила в редакцию: 18.09.2022
Принята к печати: 18.01.2024

Andrey V. Ganin

*Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

**POLITICAL SELF-CONSCIOUSNESS OF CAPTURED
WHITE GENERAL STAFF OFFICERS
BASED ON THE MATERIALS OF SOVIET QUESTIONNAIRES
OF THE EARLY 1920S**

Based on Soviet questionnaires of captured White General Staff officers of the early 1920s kept in the funds of the Russian State Military Archive, this article considers the problem of political self-identification of the “former” officers in Red captivity. The survey of former Whites was carried out to account for them. Sections of questionnaires about the prisoners’ attitude to the events of the February and October Revolutions, as well as about their current beliefs were of particular importance for assessing their views. The analysis of questionnaires as a mass historical source makes it possible to get an idea of the sociopolitical position of the group of captured White General Staff officers. On most issues, the prisoners’ views converged. As a rule, they accepted the February Revolution and did not accept the October Revolution. Also, they were highly critical of the old regime. Explanations of the reasons for the rejection of the seizure of power by the Bolsheviks are of considerable interest. For many, an acceptable answer was an indication of a lack of understanding of the tasks of the new revolution. At the same time, some pointed out the real reasons for such rejection, i.e. the Red Terror, the collapse of the old army, and the hard Brest peace treaty. The strategies used by the questionnaire compilers in answering acute and potentially dangerous questions draw the researchers’ attention. Often, the answers indicated that the revolution was of a popular nature, and the author of the questionnaire sought to serve the people or welcomed the rule of the people and was in solidarity with the policy of the RCP(b). Some authors, not wanting to express their true views, declared the need to work honestly for the benefit of society. The “former” tried to give answers that would appeal to the new superiors and regulatory authorities, which would allow them to integrate into the command structure of the Red Army more quickly and remove from themselves the discriminatory status of former White officers who were on special registry.

Key words: Civil War; Red Army; white armies; officer corps; General Staff cadres; prisoners of war; adaptation

For citation: Ganin, A. V. (2024). Politicheskoe samosoznanie plennykh belykh genshtabistov po materialam sovetskikh anket nachala 1920-kh gg. [Political Self-consciousness of Captured White General Staff Officers Based on the Materials of Soviet Questionnaires of the Early 1920s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(1), 89–102. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.1.006>

Submitted: 18.09.2022

Accepted: 18.01.2024

Перелом в Гражданской войне в пользу красных в 1920 г. привел к массовым сдачам в плен личного состава белых армий, включая офицеров, в том числе выпускников Военной академии — лиц с высшим общим военным образованием [Ганин]. Эти лица делились на выпускников или слушателей довоенной академии, прошедших полный трехлетний курс подготовки (или же недоучившихся), а также выпускников ускоренных курсов академии, проходивших подготовку в годы Первой мировой и Гражданской войн (их также именовали курсовиками). «Академики» безотносительно категории выпуска считались высокообразованными и дефицитными специалистами. В связи с постоянной нехваткой этих кадров в РККА отношение к таким пленным было особым. Их старались, если возможно, принимать на службу. По выявленным нами данным, в 1920 г. в советский плен попали не менее 308 выпускников академии, 225 из которых затем продолжили службу в Красной армии. Большинство выпускников (189 человек) сдались красным на Восточном фронте, на Юге России сдались 86 офицеров, остальные сдались на Севере, в Закавказье и в других регионах.

Особый отдел ВЧК до 22 апреля 1920 г. разослал особым отделам фронтов и армий телеграмму об отношении к пленным офицерам. Пленные подразделялись на пять категорий: 1) офицеры-поляки; 2) генералы и офицеры Генштаба; 3) контрразведчики и полицейские чины; 4) кадровые обер-офицеры и офицеры из студентов, учителей и духовенства, а также юнкера; 5) офицеры военного времени, за исключением студентов, учителей и духовенства. Представителей 1-й и 4-й категорий предписывалось отправлять в концлагеря, за поляками был предусмотрен особо тщательный надзор в связи с событиями советско-польской войны. 5-я категория подвергалась фильтрации, лояльных отправляли в трудовые армии, остальных — в места заключения как для 1-й и 4-й категорий. Представителей 2-й и 3-й категорий направляли в Москву, в Особый отдел ВЧК [Реввоенсовет Республики, с. 73]. Таким образом, офицеры-генштабисты, по сути, единственные из всех бывших белых офицеров вследствие своей значимости для красных выделялись в самостоятельную категорию учета, не подлежавшую прямой отправке в концлагеря и иные места заключения и пригодную после проверки для зачисления в Красную армию. Отметим, что эта телеграмма касалась белых офицеров, сдававшихся в плен на Юге России. Уже в мае на фоне неудач Советско-польской войны Реввоенсовет Республики постановил как можно шире использовать пленных белых офицеров в Красной армии, но после того, как угроза миновала, отношение к пленным белым офицерам вновь переменялось.

После пленения бывшие белые офицеры ставились на установленный приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. и подтвержденный особым постановлением Президиума ВЦИК от 9 июля 1923 г. особый учет (местный и общий (центральный) — в штабах округов, фронтов и отдельных армий и в управлении по командному составу армии ВГШ соответственно) [Абинякин, 2010а; 2010б; 2010в; 2012].

Фильтрацией бывших белых офицеров занимались Особые отделы ЧК. Пленные заполняли анкеты в трех экземплярах. Типовая анкета включала 38 пунктов и содержала предупреждение о строжайшей ответственности за указание неверных сведений или уклонение от ответов [РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 2, л. 87]. Для проверки излагаемых сведений с интервалом в несколько дней нужно было заполнить не одну, а несколько однотипных анкет. Если сведения отличались, заполнявший анкету мог быть заподозрен в неискренности. В дальнейшем такого рода анкеты пленным приходилось заполнять неоднократно (например, в связи со снятием с особого учета бывших белых офицеров). Интересно, что в разгар Гражданской войны содержанием «политических» граф таких анкет интересовалась белая разведка [ЦА ФСБ, д. Р-28574, л. 59], что делало заполнение подобных документов рискованным, так как их содержание могло не устроить не только красных, но и белых.

Анкеты бывших белых офицеров представляют ценный источник сведений об их службе и настроениях, а также о способах самопрезентации перед новой властью. По существу, это разновидность автобиографического письма, которое в последнее время активно исследуется применительно к межвоенному периоду советской истории [Халфин; Хелльбек]. В общем массиве анкет пленными нами выявлены анкеты генштабистов и проанализированы на предмет отражения в них политических воззрений офицеров. Часть анкет относилась непосредственно к периоду широкомасштабной Гражданской войны, другие были составлены позднее — в 1921–1923 гг. Однако каких-либо различий в выражении взглядов составителей анкет в зависимости от года заполнения проследить не удалось.

Интересно, как пленные идентифицировали себя в политическом отношении, выражали свои взгляды и какие стратегии выживания использовали. Эти моменты в ряде случаев прослеживаются по разделам анкет с изложением отношения к революции и Гражданской войне, а также политических убеждений. Соответствующие пункты анкет звучали следующим образом: «Какое принимали участие в революции 1905 года и где в это время находились»; «Какое принимали участие в Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года, где находились и Ваше отношение к Февральской революции»; «Если относились несочувственно к Октябрьской революции, то почему (Ваши убеждения в этот период)»; «Укажите, к каким политическим партиям принадлежали в течение всей Вашей жизни, принадлежите ли к какой-нибудь в настоящее время или какой сочувствуете» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 327, л. 257].

От содержания подобных разделов могли зависеть жизни и судьбы, поэтому написанное там порой представляло удивительные образцы человеческой мимикрии, когда слабо ориентировавшиеся в политике люди были вынуждены придумывать ту или иную версию, которая бы, по их мнению, понравилась новым властям, демонстрировала лояльность и могла бы хоть отчасти смыть пятно их прежней службы врагам советской власти.

Порой пленные пытались перенимать революционный язык, чтобы казаться ближе к новым хозяевам жизни. Так, бывший капитан-колчаковец Н. А. Плотников 7 февраля 1920 г. записал: «Сочувствую рабочему люду и трудящимся», отметив, что революция дает «новое усовершенствованное бытие и строительство, покоящееся на принципах свободы ч[елове]ка» [РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 99 об.]. Деникинский полковник М. Ф. Костенко указал в анкете: «Стою на платформе Советской власти (сторонник коммунистического строительства)» [РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 979, л. 106 об.] и заявил, что сочувствует компартии [Там же, л. 106].

Некоторые в качестве политических настроений писали банальности в духе борьбы за все хорошее против всего плохого. К примеру, курсовик А. К. Гайкс (Гайко), также взятый в плен на Восточном фронте, о своем политическом настроении осторожно сообщил: «Мое политическое настроение в данный момент сводится к необходимости всем гражданам работать от чистого сердца по своей специальности с тем, чтобы укрепить власть и страну, что я и делаю с мая 1920 года» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 327. Ч. 1, л. 75 об.]. Подобные ответы были нередки. В частности, П. А. Гальков вместо изложения политических настроений написал: «Стремлюсь к мирному строительству в РСФСР» [Там же, л. 106 об.].

В том же духе заполнил соответствующую графу анкеты и знаменитый генерал Я. А. Слащев: «Хочу работать на пользу русского народа» [Там же, л. 257 об.]. Однако эта фраза могла иметь двойственный смысл. Неудивительно, что изучавшее эту анкету лицо поставило напротив вопросительный знак, поскольку такую фразу можно истолковать и как стремление продолжать борьбу с большевиками. Подобные ответы, возможно, были призваны скрыть истинные взгляды офицеров, не желавших в анкетах сильно кривить душой. В том же духе был ответ другого бывшего генерала-деникинца К. К. Шильдбаха-Литовцева, убежденного противника большевиков: «Всецело признаю, что только Советская власть способна управлять Россией» [Там же, л. 441 об.]. Фактически это была простая констатация сложившегося положения в стране.

Общим местом в анкетах было указание на принятие Февральской и неприятие Октябрьской революции. Так, бывший колчаковец Г. П. Автономов к Февральской революции «отнесся сочувственно как к средству, могущему вывести страну из тогдашнего тупика» [РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 103], а в период Октябрьской революции «как строевой оф[ицер] был занят всецело задачей сохранения боеспособности вверенной мне батарее и, считая опасной резкую ломку организации армии, отнесся к столь резкому перевороту отрицательно» [Там же]. Другой бывший колчаковец, Н. М. Пресницкий, свидетельствовал, что к Февральской революции «относился сочувственно, т. к. всегда был врагом произвола» [Там же, л. 107]. В период Октябрьской революции, «будучи совершенно не знаком с задачами и целями Советской власти, не мог учесть значения происходившей ломки и потому на развертывавшиеся события смотрел глазами строевого фронтового офицера, заботившегося исключительно о сохранении

боеспособности частей». Однако «теперь сочувственно отношусь к Коммунистической партии» [Там же]. О своем политическом настроении на январь 1921 г. пленный написал: «Сочувственно Советской власти, как твердо и неуклонно проводящей в жизнь провозглашенные ей принципы счастья трудящихся» [РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 107 об.].

Колчаковец А. Н. Псарев в связи с Февральской революцией «был искренне рад свержению векового гнета и рабства» [Там же, л. 101]. Далее отметил, что сочувствовал Октябрьской революции [Там же], но, с учетом его службы у белых, это вряд ли соответствовало действительности. Схожие оценки дал колчаковец Л. Н. Шибаев: «Отношение к Февральской революции было сочувственное» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 312, л. 504], но «сущности Октябрьского переворота в то время еще не понимал» [Там же, л. 504 об.]. Политическое настроение Шибаева на март 1923 г.: «Полное сочувствие Советской власти и желание быть ей полезным» [Там же].

Курсовик-деникинец П. А. Сергеев сообщал, что «во время Февральской революции был слушателем Военной академии и отнесся к ней безразлично», а «Октябрьская революция была мной не понята» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 324, л. 125]. В другом месте об Октябрьской революции он писал: «Не понял смысла Октябрьской революции, что она направлена для обеспечения прав трудящихся и потому, когда я попал в плен к белым, я согласился у них служить» [Там же, л. 132]. По поводу текущего настроения Сергеев указал: «Желаю честно работать в РСФСР, быть полезным гражданином, относясь вполне лояльно к Советской власти» [Там же, л. 125 об.].

Курсовик-колчаковец С. С. Солдатов в анкете на февраль 1922 г. указал, что «Февр[альская] революция не дала того, что надо было рабочим и крестьянам: ею был удовлетворен буржуазный класс, почему революция не остановилась и дошла до октябрьской» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 323, л. 153]. Фраза была похожа на заученную и указывалась с явной целью понравиться начальству. Что касается Октябрьской революции, то Солдатов отметил: «Беспартийность, индифферентность, не дали возможности обсудить и отнестись так или иначе к Окт[ябрьской] революции» [Там же]. Насчет своих текущих политических убеждений Солдатов написал опять-таки словно по-заученному: «В настоящий момент вся деятельность республики сводится к проведению в жизнь постановлений 9[-го] съезда советов, который показал, насколько сплоченна и сильна в своих рядах Сов[етская] Россия. Я, к[а]к отв[етственный] работник в Кр[асной] армии являюсь исполнителем и проводником в жизнь постановлений 9[-го] съезда, касающихся Кр[асной] армии, ибо на предстоящей Генуэзск[ой] конференции представители Сов[етской] России будут только тогда иметь вес и силу перед своим врагом — Антантой, когда за их спиной будет стоять сильная и мощная Кр[асная] армия. Поддерживать эту силу и мощь — задача рабочих и крестьян и наша к[а]к комсостава» [Там же, л. 153 об.].

Курсовик-колчаковец В. С. Савченко сообщал, что «...В Февральскую революцию находился в штабе 14[-го] арм[ейского] корпуса и относился к ней сочувственно. В Октябрьскую революцию находился в академии Генштаба и относился к ней лояльно» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 319, л. 168]. В рапорте от 6 октября 1922 г. он подчеркивал добровольность своей сдачи в плен красным «при ликвидации авантюры Колчака» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 319, л. 166].

Курсовик-колчаковец Г. И. Кулешов писал в анкете 1922 г. для бывших офицеров белых армий, что «Октябрьской революции сочувствовал», а про политические взгляды отметил: «Сочувствую партии коммунистов». Относительно своего политического настроения в то время он указал: «Уверен, что народная революция России восторжествует во всем мире» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 323, л. 52].

Другой колчаковский курсовик, М. М. Тимонов, в анкете 1922 г. указал: «Состою ответственным работником Красной армии, так что моя жизнь тождественно [?] связана с Советской властью» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 326, л. 210 об.]. Курсовик А. А. Буров в анкете в 1923 г. писал: «Был на фронте и полагал, что Февральская революция даст выход стесненным силам и инициативе народа, переросшей рамки абсолютизма» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 327, ч. 1, л. 23]. По поводу отношения к Октябрьской революции Буров отметил: «Несочувственно. Повела к развалу армии. Тогда не было очевидно, что развал армии был предreshен предшествующим ходом истории» [Там же]. Свои политические взгляды офицер определил следующим образом: «Национал-большевизм с 1919 г. представляет ту форму, в которой отливаются убеждения, дающие силу, энергию и необходимую твердость в работе» [Там же]. Под национал-большевизмом Буров понимал оценку «эпохи и момента, когда только путем совместной работы с РКП можно дать максимум благ российскому населению и сохранить Россию от грабежа и раздела» [Там же, л. 23 об.]. Таким образом, его привлекла государственническая составляющая политики РКП(б).

Курсовик-колчаковец А. И. Колесниченко в анкете упомянул даже Первую русскую революцию, когда он служил рядовым в Эриванской губернии, «где все ограничивалось чтением в очень ограниченном количестве и с трудом добываемой политической литературы» [Там же, л. 73]. Далее он отметил, что «о Февральск[ой] рев[олюции] на фронте стало известно только после отречения. В начале относился сочувственно, но когда стало известно, что власть все же в руках капитала, а не народа и вследствие получения соотв[етствующей] литерат[уры] из центра повелась агитация против власти Керенского, что и привело к Октябр[ьской] революции, к которой относился более сочувственно, как к переходу власти всецело в руки народа. Всегда был сторонником образа правления страной самим народом» [Там же]. При этом «как военный ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу сейчас. Как сторонник народного образа правления и порядка сочувствую партии РКП, как единственной, могущей вывести страну из состояния общей разрухи, как обладающей силою, могущей (в документе — могущего) заставить творить ее волю, направляемую к достижению народного счастья» [Там же, л. 73 об.].

Бывший генерал Я. А. Слещев в анкете указал, что считал Февральскую революцию «вредной для фронта» [Там же, л. 257]. О принадлежности к партиям в той же анкете он написал: «Как военный никогда ни к одной политической партии не принадлежал» [Там же]. В отношении несочувствия Октябрьской революции он отметил: «Предвидел развал фронта и тяжелый для народа мир» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 327, ч. 1, л. 257].

В ряде анкет отражено переосмысление офицерами своих взглядов в результате Гражданской войны. Как правило, неприятие большевиков объяснялось неподготовленностью или непониманием заполнявшего анкету. Так, курсовик-колчаковец Н. В. Соколов указал в анкете на сочувственное отношение к Февральской революции, что касается Октябрьской революции, то «в тот период отношение было не сочувственное, благодаря политической неподготовленности». В графе о политических взглядах он записал: «Вполне разделяю программу РКП(б), сочувствую Советской власти и обязуюсь ее поддерживать» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 324, л. 25 об.].

Колчаковец И. М. Финицкий в анкете 1923 г. писал, что «к Февральской революции относился сочувственно», а в отношении Октябрьской революции «прямого несочувствия не высказывал, ибо признавал необходимость власти широких народных масс. Однако многое в событиях и ходе их в Октябрьскую революцию не понимал», «Сочувствую РКП» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 326, л. 28]. По свидетельству офицера, «события с 1918 г. убедили меня в том, что лишь Советская власть является единственно законной и правомочной в СССР, действительно защищающей интересы ее трудящихся» [Там же, л. 28 об.]. Несколько ранее, в анкете 1922 г., Финицкий отметил, что «Октябрьскую революцию ожидал. К власти народа относился всегда сочувственно, хотя многое в Октябрьской революции было для меня недостаточно ясно» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 318, л. 209].

В автобиографии офицер сообщил об эволюции своих взглядов более развернуто:

К Февральской революции относился сочувственно, тем более, что к ней был более подготовлен, так как предполагал, что улучшить положение народа возможно одной политической революцией.

Ход событий заставил меня пересмотреть положение, в чем я несколько запоздал по причинам обилия служебной работы. Поэтому, относясь принципиально к власти народа вполне сочувственно, не желая отрываться от него, тем не менее, многого в Октябрьской революции не представлял себе ясно. К концу 1917 г. мое отношение к Октябрьской революции стало определенно благожелательным.

Перенесенный тяжелый и невольный опыт Гражданской войны окончательно убедил меня в праве Советской власти на осуществление благополучия трудящихся масс России.

Моя работа в Красной армии в течение более двух лет и участие в том водовороте событий, который происходит теперь, расширившийся практический (а не узко теоретический) политический кругозор не только на положение у нас в России, но

в мировом масштабе, окончательно убеждают меня в предыдущем, давая возможность нравственно спокойно работать [Там же, л. 212 об.–213 об.].

Порой покаянные признания выглядели неуклюже и противоречиво. Курсовик-деникинец Б. М. Перепеловский в анкете отметил, что сочувствовал Февральской революции, но «Октябр[ьская] революция для меня не была понятна. Я был слишком неопытен, чтобы разобраться в сложной полит[ической] обстановке. Смутно представлял, что в ней правда и истинное счастье для всех, кто живет своим трудом, и инстинктивно мои симпатии были на стороне переворота» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 334, л. 183]. Политическое настроение офицера: «Стою на платформе власти Советов, считая ее единственно-законной и вполне выражающей волю трудящихся» [Там же, л. 183 об.].

Встречались и смелые офицеры, не боявшиеся в советской анкете упомянуть об отрицательных сторонах большевистского режима. Бывший колчаковский полковник М. И. Москаленко не побоялся указать, что отнесся к Октябрьской революции «несочувственно из-за репрессий к офицерам, стремившимся тоже к перевороту, но не к анархии» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 327, ч. 1, л. 308 об.]. Курсовик-колчаковец К. В. Кашперов, наоборот, писал, что «в течение 3½ лет службы в рядах Красной армии не подвергался репрессиям, что для меня — лучшая рекомендация» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 325, л. 56 об.]. Полковник-колчаковец Б. Д. Макаренко вполне искренне сообщил в анкете 1923 г., что «убежденный полит[ических], как у большинства офицеров, не было, были усталость и стремление домой» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 327, ч. 1, л. 317 об.].

Колчаковец, войсковой старшина В. Е. Шайтанов писал в анкете в январе 1921 г., что в период Октябрьской революции «как строевой офицер был вне политики, но относился к ней сочувственно, видя путь к новой свободной жизни в револ[юционной] стране» [РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 105]. Свое политическое настроение он охарактеризовал кратко: «Рад всегда служить народу» [Там же, л. 105 об.].

Пытаясь продемонстрировать что-то общее с большевистским режимом, некоторые офицеры извлекали из своего прошлого даже малейшую связь с революционным движением. Например, колчаковец, генерал-лейтенант М. П. Бородин в анкете 1921 г. утверждал, что в молодости симпатизировал «Народной воле», а позднее кадетской партии [РГВА, ф. 7, оп. 7, д. 97, л. 549]. В качестве пожелания он указал: «Хочу одного — мирного, культурно-трудового строительства в С[оветской] республике и готов принять в этом посильное участие» [Там же, л. 549 об.].

Курсовик-колчаковец С. Н. Кравцов утверждал, что в период Октябрьской революции «был учащимся в г. Киеве, активного участия не принимал, ибо все случилось неожиданно» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 325, л. 53]. На самом же деле Кравцов находился в академии в Петрограде. О причинах несочувствия к Октябрьской революции он писал: «Не было единой власти, могущей взять в руки правление страной, которая изнывала под ударами извне. Была распродана

страной» [Там же]. О своих политических взглядах Кравцов сообщил следующее: «Беспартийный: в настоящее время вполне лоялен ныне существующей власти, могущей после тяжелого испытания поставить страну на твердую почву» [Там же, л. 53 об.].

Полковник-деникинец В. К. Затеplinский в рапорте военкому военных сообщений Туркфронта в декабре 1922 г. представил свою службу во ВСЮР в 1919–1920 гг. как плен: «Имея тысячу возможностей уехать за границу, я оставался верен своему народу и его революции. Несчастье, постигшее меня, естественно, должно было вызвать расследование дела. Но после этого прошли три юбилея Красного Октября, прошли годы честной, крайне ответственной работы и, полагаю, что я мог рассчитывать на доверие рабочей власти» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 333, л. 142 об.]. О своих взглядах Затеplinский, явно заискивая перед властями, сообщал: «Сочувствую социалистическим партиям вообще, не соглашаясь с некоторыми пунктами программ каждой. Полагаю, что более соответств[ует] эпохе в России компартия» [Там же, л. 153]. В качестве доказательства своих социалистических воззрений офицер рассказал о пережитых им в прошлом трудностях: «В детстве голодал», затем из-за отсутствия средств для учебы в гимназии поступил в кадетский корпус, после чего «за неимением средств даже на одежду вынужден был идти в воен[ное] училище, чтобы перелезть из одной даровой (казенной) одежды в другую» [Там же, л. 153 об.]. «Средств к существованию — служба и только. Движимость ерундовая (дрянная мебель), недвижимости не имею» [Там же].

Полковник-деникинец М. Н. Кузнецов отметил, что в период Февральской революции «способствовал безболезненному переходу к новой власти» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 335, л. 52 об.], к Октябрьской революции «несочувственного отношения не испытывал» [Там же]. Политическое настроение он выразил так: «Ввиду выяснившейся определенно организационной роли РКП(б) во всех областях, ведущих народные массы к улучшению их жизни, являюсь по[лным] сторонником провод[имой политики]» [Там же], кроме того, «находясь в течение 4-х лет в Кр[асной] армии, определенно сочувствую РКП(б) как на[стоящей?] руководительнице масс» [Там же].

Подполковник-колчаковец В. Ф. Терпиловский к Октябрьской революции «относился не вполне сочувственно, т. к. не верил, чтобы одним скачком можно было достигнуть идеального общественного строя» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 336, л. 336 об.], а подполковник Н. Ф. Красицкий, служивший в армии Украинской народной республики и на Белом Юге, отметил, что «в дни Февральской и Октябрьской революции находился на фронте, где части к[орпуса] занимали боевой участок на берегу р. Двины и поэтому непосредственного участия в революции (по своей должности) принимать не мог, но всегда был на стороне революции... Я, как и большинство кадровых офицеров, в политике разбирался плохо, в дни Октябрьской революции с войсками корпуса был изолирован от окружающего, а в общем не знал и не понимал, что происходит» [Там же,

л. 338 об.]. Свое политическое настроение он выразил как «желание в ближайшее время увидеть СССР экономически крепким» [Там же, л. 339].

Курсовик-деникинец, бывший полковник Н. Ю. Вержбицкий писал в рапорте в ноябре 1922 г.: «В Красную армию я поступил добровольно, служу в ней вдвое дольше, чем служил по мобилизации в белой армии и не отказываюсь от дальнейшей службы в рядах Рабоче-Крестьянской армии с полным сознанием своего долга перед республикой и прошу лишь справедливого к себе отношения, а не незаслуженного принижения моего духа и работоспособности положением выслаемого поднадзорного, в то время, когда я считаю себя по полученному военному образованию, служебному стажу и продуктивной для Советской власти и Красной армии работоспособности, способным приносить большую пользу делу укрепления мощи Красной армии как делу, которому я всецело предан» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 326, л. 9–9 об.]. Он же в анкете в октябре 1922 г. отметил, что «ни в каких партиях никогда не состоял и партийным рамкам не сочувствую, как стесняющим свободу мысли. Убеждений радикально прогрессивных» [Там же, л. 22].

Служивший на Белом Юге бывший генерал-майор В. И. Стойкин по поводу Февральской революции указал в 1923 г.: «Считая революцию необходимой, осуждал лишь ее грубые проявления» [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 331, л. 214 об.]. При этом в графе о политическом настроении записал: «Считаю революцию законным ходом истории» [Там же, л. 215].

У анкет «бывших» имелись свои читатели, воспринимавшие содержание этих документов по-разному. Все же следует отметить, что составители анкет, как правило, хорошо себя зарекомендовали по службе, поэтому их начальство и комиссары старались поддержать подопечных. Для этого писались положительные характеристики и давались благоприятные аттестации. Приведем один, но яркий пример. В конце 1924 г. руководство Военной академии РККА в лице помощника начальника академии по учебной части и помощника комиссара академии дало блестящую аттестацию бывшему колчаковскому генералу В. И. Оберюхтину, в которой отмечалось:

В декабре 1924 года исполняется 4 года пребывания Виктора Ивановича Оберюхтина на должности помощника начальника учебного отдела Военной академии РККА.

За эти 4 года, которые были для академии годами напряженной работы и искания новых путей в преподавании, Виктор Иванович Оберюхтин успел проявить себя со всех сторон и в настоящее время является возможностью сделать правильную оценку его как техника-специалиста и как советского гражданина.

Что касается первого, то нет почти ни одной области в учебной работе академии, где не обнаружилась бы кипучая энергия, большие знания, опыт и ясный ум тов. Оберюхтина.

Неоднократно оставаясь на продолжительное время за начальника учебного отдела, он прекрасно справлялся с любыми заданиями учебного характера, проявляя исключительную работоспособность, настойчивость и добросовестность.

Всей своей деятельностью за эти 4 года В. И. Оберюхтин тесно связал себя с Красной армией и с советской действительностью.

Несомненно, что в лице его республика имеет не только обычного лояльного гражданина, но искренно преданного человека, с исключительной энергией работающего на ответственном посту над подготовкой красных военспецов.

Ходатайствуем о снятии В. И. Оберюхтина с учета бывших белых офицеров [РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 316, л. 194 об.].

В итоге Оберюхтина сняли с особого учета.

Офицеры с антисоветским прошлым интуитивно понимали, что в ответах не следует быть слишком откровенными. Тем не менее, «политические» графы анкет все-таки показывают если не истинные взгляды пленных белых генштабистов, то, по крайней мере, те поведенческие стратегии, которые они выбирали в красном плену для минимизации возможных неприятностей за былую нелояльность. Лейтмотивом всех анкет была демонстрация преданности новой власти, но ответы варьировались.

В большинстве случаев офицеры указывали на свою приверженность Февральской революции. Отмечали, что она позволила преодолеть гнет, произвол старого режима, рабство, абсолютизм, давала возможность выйти из тупика, в котором оказалась страна. Многие писали о непонимании Октябрьской революции, о том, что они не смогли в той ситуации сориентироваться и лишь позднее осознали государственную роль РКП(б). Критические высказывания об Октябрьской революции касались ее издержек, волновавших пленных, — развала армии, репрессий в отношении офицерства, тяжелого Брестского мира. Ряд офицеров честно признавались, что не разбирались в политике, были неопытны. Этим они объясняли свое неприятие Октябрьской революции.

В анкетах выражалась уверенность в том, что Советская власть защищает интересы народа и права трудящихся, что революция носила народный характер. Порой звучали заученные фразы, а какие-то высказывания едва ли были искренними. В частности, выражения солидарности с политикой РКП(б) и сочувствия пролетариату, восторги по отношению к политике партии и к Советской власти. Нередко нарочито использовалась революционная риторика. Ряд пленных указывали, что являются сторонниками народовластия, которое олицетворяла партия большевиков. Однако были и исключения. Так, в одной из анкет упоминалось о приверженности ее составителя программе кадетской партии и народническим взглядам. В некоторых анкетах подлинные политические взгляды были замаскированы общими фразами о необходимости или стремлении честно трудиться на благо общества. Такие ответы, скорее всего, свидетельствовали о нежелании пленных раскрывать свои истинные мысли и взгляды, равно как и кривить душой, заверяя начальство в лояльности большевикам. Суровые реалии Гражданской войны делили людей на наших и не наших. Пленные, разумеется, пытались добиться того, чтобы их посчитали «нашими». Это было вопросом выживания в той обстановке. В этой связи

анкеты пленных белых офицеров не всегда и не во всем позволяют обнаружить истинное «я» их авторов, но, являясь массовым источником, они дают возможность понять особенности поведения представителей белой военной элиты в красном плену, в том числе в аспекте официально декларируемых ими политических взглядов.

Источники

РГВА — Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2; Ф. 7. Оп. 2. Д. 396; Оп. 7. Д. 97; Оп. 8. Д. 312, 316, 318, 319, 323, 324, 325, 326, 327, 331, 333, 334, 335, 336; Ф. 11. Оп. 5. Д. 979; Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191.

Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. : сб. документов. М. : УРСС, 2000.
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности. Д. Р-28574.

Исследования

Абинякин Р. М. Завершение Гражданской войны и приказы РВСР об особом учете бывших белых офицеров в Советской России 1920–1922 гг. // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года / под ред. С. Т. Минакова, И. В. Проваленковой. Орел : ОГУ, 2010а. С. 122–127.

Абинякин Р. М. Нормативные документы военного ведомства о службе бывших белых офицеров в РККА в 1920–1923 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010б. № 2 (10). С. 101–107

Абинякин Р. М. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010в. № 3. Ч. 1. Серия «Гуманитарные и социальные науки». С. 66–75.

Абинякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

Ганин А. В. Генштабисты антибольшевистских армий в красном плену. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 3–32.

Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М. : Новое литературное обозрение, 2023.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2021.

References

Abinyakin, R. M. (2010a). Zavershenie Grazhdanskoi voiny i prikazy RVSR ob osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v Sovetskoj Rossii 1920–1922 gg. [The End of the Civil War and the Orders of the RMCR on the Special Accounting of Former White Officers in Soviet Russia 1920–1922]. In S. T. Minakov, & I. V. Provalenkova (Ed.), *Grazhdanskaia voina v Rossii i Orlovsko-Kromskoe srazhenie 1919 goda* [Civil War in Russia and the Battle of Orel and Kromy] (pp. 122–127). Orel: OGU.

Abinyakin, R. M. (2010b). Normativnye dokumenty voennogo vedomstva o sluzhbe byvshikh belykh ofitserov v RKKA v 1920–1923 gg. [Normative Documents of the Military Department on the Service of Former White Officers in the Red Army in 1920–1923]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Novye humanitarnye issledovaniia"*, 2 (10), 101–107.

Abinyakin, R. M. (2010c). Osobyi uchet byvshikh belykh ofitserov v Sovetskoj Rossii i SSSR v 1920-e gg. [Special Registration of Former White Officers in Soviet Russia and the USSR in the 1920s]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, Pt. 1. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki", 66–75.

Abinyakin, R. M. (2012). Uvol'nenie byvshikh ofitserov iz RKKK v 1921–1934 gg. [Dismissal of Former Officers from the Red Army in 1921–1934]. *Voprosy istorii*, 2, 91–103.

Ganin, A. V. (2013). Genshtabisty antibol'shevistskikh armij v krasnom plenu. 1917–1922 gg. [The General Staff Officers of the Anti-Bolshevik Armies in Red Captivity. 1917–1922]. *Voprosy istorii*, 8, 3–32.

Hellbeck, J. (2021). *Revoliutsiia ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoj epokhi* [A First-Person Account of Revolution: Diaries of the Stalin Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Khalfin, I. (2023). *Avtobiografiia bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem* [An Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin, Andrey Vladislavovich

Dr. Hab. (History), Leading Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: andrey_ganin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8602-1990>
Scopus AuthorID: 55658925000
WoS ResearcherID: A-5606-2009